

О.С. Поршнева

Поршнева Ольга Сергеевна, профессор кафедры истории России Института фундаментального образования Уральского государственного университета (Россия, 620083. г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51). доктор исторических наук. профессор.

Телефон/Phone: +7 (343) 375-46-17. Электронная почта/E-mail: porshneva@yandex.ru

СОЮЗНИКИ ГЛАЗАМИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются условия, определившие в начальный период Первой мировой войны восприятие российским обществом союзников по Антанте и основные черты образа союзника. Анализируются проявления общественных настроений и представлений, формировавших образ союзника в сознании российского общества. Выявляются роль и пути трансформации этнических и внешнеполитических стереотипов, бытовавших в среде «образованного класса» и широких масс населения, в том числе народных низов. Показано возникновение антисоюзнических настроений на фронте и в тылу, их причины и проявления.

Ключевые слова: Первая мировая война, российское общество, патриотические настроения, официальная пропаганда, союзники, образ союзника, 1914 г., этнические стереотипы, внешнеполитические стереотипы

Образы стран и народов – союзников России – были составляющими элементами общественных представлений по вопросам внешней политики, являясь одновременно частью российского социокультурного контекста, синтезом бытовавших в общественном сознании идей, стереотипов, мифов, символов и предрассудков. Образ союзника формировался в общественном сознании России на рубеже XIX-XX вв. в условиях обострения международных отношений, когда происходило складывание коалиций противоборствующих государств, национальная консолидация, более четко определялись как национальное «Я», так и дружественный и враждебный «Другой». В этот период активно действовал механизм формирования внешнеполитических стереотипов не только под воздействием массовой пропаганды, но и актуализации этнических образов и предрассудков, культурных предпочтений и ценностей. Образы «Чужих» были проекцией национальных политических, религиозных

и иных идеалов, а также идеалов и ценностей отдельных слоев общества. На разных этапах в развитии международных отношений и, в частности, мировой войны, роль и значение общенациональных представлений и, с другой стороны, ценностей отдельных общественных слоев в конструировании образов союзников были различны. Наибольшее влияние на их формирование оказывали внешнеполитические представления и стереотипы, конструируемые политической и интеллектуальной элитами и, с другой стороны, глубинные предрассудки и мифы, сопряженные с этническими образами, бытующими в общественном сознании. Если в представлениях образованных слоев о «чужих» преобладали рациональные компоненты образа, организованные в определенную структуру и определяемые различными вариантами понимания национальных интересов своей страны, военной и внешнеполитической конъюнктуры, то в сознании низов, наряду с распространением в начале XX в. рациональных компонентов, значительную роль играли этнокультурные стереотипы, символы и мифы.

Основными союзниками России, входившей в годы Первой мировой войны в состав Антанты, были Англия и Франция. США присоединились к Антанте позже, в апреле 1917 г., когда Россия воевала уже последние месяцы на излете своих сил. Другие союзники по Антанте – Италия, Румыния и т.д., которые играли в ней меньшую роль и присоединились к блоку уже в ходе войны, были менее известны российскому массовому сознанию, в котором в силу этого не сложилось в период мировой войны их целостного и отчетливого образа. В связи с этим главными объектами формирующегося образа союзника в России в рассматриваемый период стали две страны – Франция и Англия.

Специфика периода Первой мировой войны заключается в том, что образ союзника формировался в условиях не только военного, но и особого типа идейно-психологического противоборства, обозначившегося в связи с зарождением феномена «тотальной войны». Практики национальной мобилизации во всех европейских странах предполагали мобилизацию национального сознания, «духа» наций. Это оказывало влияние на формирование рациональных и символических систем представлений, элитарных и «народных» типов дискурса, конструирование образов врагов и союзников. Значимую роль в структурировании образов союзников играли в начале XX в. и в период мировой войны внешнеполитические стереотипы, активно вытеснявшие в связи с политизацией массового сознания этнические стереотипы.

Вступление 19 июля (1 августа) 1914 г. России в Первую мировую войну вызвало мощный подъем патриотических настроений, охвативший все общественные слои и регионы страны. Небывалая волна эмоций, вызванных всплеском национальных чувств, была характерна

для всех вступивших в мировой конфликт европейских стран. В историографии она получила название «настроение 1914 года» как метафора, позволяющая охарактеризовать высокий уровень общественной поддержки усилий правительств в условиях начавшейся войны. Составляющими общественных умонастроений 1914 года были эмоционально окрашенные, рациональные и символические представления о причинах, целях войны, враге и союзнике своей страны. Они составляли совокупность систем воззрений и восприятий, обуславливающих то или иное видение начавшегося противоборства.

Доминирующими в легитимации войны оказались идеи о ее оборонительном, справедливом характере, обусловленном отражением внешней агрессии. Помимо этой общей трактовки, насаждаемой официальной пропагандой и воспринимаемой значительными слоями общества во всех странах, в противоборствующих группировках существовали специфические обоснования войны. В Германии большую роль играла идея «превентивного» нападения, необходимого для предотвращения агрессивных замыслов и амбиций враждебных держав: Англии, Франции, России. В державах Тройственного соглашения, наоборот, объявлялось, что война ведется ради защиты идеалов свободы и демократии, за освобождение угнетенных народов Европы, против германского милитаризма, экспансионизма, гегемонизма, «тевтонского варварства», угрожающего европейской цивилизации. В России, помимо этого, особую роль играли идеи братской солидарности с Сербией, лозунги верности союзникам в отражении германской агрессии, защиты чести, достоинства, территориальной целостности России и ее положения среди великих держав (1).

Как и в других европейских странах (2), в России в связи с началом войны отмечался религиозный подъем как проявление эсхатологического сознания и восприятия войны как конца старого мира. Духовный подъем в России был связан и с ощущением выполнения сакральной миссии: не только защиты славян, но и всей Европы и мира от «германизма». Концепция справедливой освободительной войны тиражировалась в печати, в том числе в ежедневных газетах, излагалась в специальных популярных брошюрах, выходивших в издательствах Товариществ И.Д. Сытина, И.Н. Кушнерова и др., в лубочной литературе, кинематографе, театре, разъяснялась с амвоном церковью. Широко распространявшиеся в стране в начале войны представления о ней как борьбе с германской агрессией, угрожающей миру и самому существованию народов, делали союзников по Тройственному Соглашению в глазах русского общества борцами за общее правое дело. В популярной, изданной в 1914 г., брошюре «Россия борется за правду», вышедшей в издательстве И.Д. Сытина, говорилось: «Россия вместе с Францией,

Англией, маленькой, но геройской Бельгией и единой верной Сербией борется против необузданной алчности Германии и Австрии, вечно стремящихся к порабощению всего мира, к угнетению всего остального человечества, не принадлежащего к немецким племенам» (3). В другом популярном сборнике, предназначенном для школьных и народных библиотек, подчеркивалась роль союзников России в защите общечеловеческих прав и свобод, завоеваний культуры, на которые посягнула Германия: «Франция и Англия подняли оружие в защиту прав человека, гражданина и народов, погрязших Германией, они обнажили меч за самую культуру, над которой надругалась и которую принесла в жертву животному национализму Германия» (4).

Реалии кровопролитной войны с сильным противником, психологической настрой на защиту Отечества и господствующие интерпретации внешнеполитических событий способствовали формированию образов Англии и Франции как благородных союзников России в общей справедливой борьбе, а Бельгии – как маленькой, героической стране, оказавшей беспрецедентное сопротивление жестокому агрессору. Вступившие с началом войны цензурные ограничения, доминирующие в обществе эмоции и идеи, работа средств массовой информации – все это способствовало закреплению не только позитивных образов, но и их символических репрезентаций. В дневнике К. Чуковского содержатся ретроспективные свидетельства этому. В записи от 21 апреля 1923 г. говорится: «...Оттуда к Фориш: чудесный вечер, был Ст.П. Яремич, М. Слонимский, Пяст. Пяст читал свои стихи о мировой войне, написанные в 1915 г. "Грозою дышащий июль", — в них он с той наивностью, которая была присуща нам всем и от которой ничего не осталось, прославляет "святую" Бельгию, "благородную" Францию, проклинает Вильгельма и т.д. Стихи местами очень хороши. Как будто читаешь в стихах старые "Биржевые Ведомости"» (5). Об этом же писал К. Паустовский, который вспоминал: «В то лето (1914 г. – О.П.) все восхищались Бельгией – маленькой страной, принявшей первый удар немецких армий. Всюду пели песню о защитниках осажденного Льежа» (6).

Осмысление целей союзнической борьбы, места России в союзнической коалиции – все это вписывалось в систему исторических представлений, находило исторические аналогии. Антигерманская коалиция по своему значению и целям чаще всего ассоциировалась с антинаполеоновской, а России отводилась особая историческая роль и высокая освободительная миссия, сродни той, которую она сыграла в 1812-1815 гг. (7)

Леонид Андреев в своих публицистических статьях-очерках «В сей грозный час», написанных в 1914 г., показывал влияние «настроения 1914 года» на внутреннее преобразование как русских людей, так и союз-

ных народов. изживание отрицательных черт их национального склада. «Энтузиазм – вот то необыкновенное состояние, которым охвачены сейчас и армии, и целые народы. Где пресловутая холодность уравновешенных англичан? Где былая скаредная осторожность жизни французского мещанства? Где наша роковая нерешительность, где мнительность наша, подрывающая силы, колеблющая волю?» (8).. Автор косвенно свидетельствует о существовании в сознании интеллигенции вполне определенных негативных этностереотипов в отношении «холодных» англичан и «скаредных» и «осторожных» французов-«мещан». Отношение к союзникам во многом зависело от политической конъюнктуры, развития событий, хода военных действий. В течение первых двух-трех дней войны россияне, особенно жители столиц и крупных городов, напряженно, зачастую нетерпеливо, ожидали вступления Великобритании в войну на стороне России. Причинами этого были недостаточная прочность союзнических отношений с Великобританией, сохранение некоторого недоверия к ней. Посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен вспоминает: «В течение первых трех дней войны моя позиция была не из приятных. Беспокойные толпы собирались перед посольством, требуя известий из Лондона и в далеко не дружеском тоне спрашивались, может ли Россия рассчитывать на нашу поддержку» (9). Иное отношение было к Франции, с которой имелись прочные договоренности, и в верности которой в России не сомневались. Во Франции понимали неизбежность скорого нападения на нее Германии, поэтому сразу же выразили поддержку России, в свою очередь остро needing в ее помощи.

Николай II в первые дни войны говорил французскому послу М. Палсологу: «Я хотел выразить вам всю свою благодарность, все свое удивление перед вашей страной. Показав себя столь верной союзницей, Франция дала миру незабвенный пример патриотизма и лояльности», «я всегда верил слову Франции» (10). Уже 20 июля (2 августа), до получения известия об официальном объявлении войны Германией Франции, на приеме у Николая II представителей Государственной Думы и Государственного Совета в Зимнем дворце звучали возгласы «Да здравствует Франция» (11). После получения официальных известий о вступлении Франции в войну 4 августа, как вспоминает М. Палеолог, «весь день перед посольством проходили шествия с флагами, иконами, при криках «Да здравствует Франция... да здравствует Франция» (12). А 5 августа, после получения известий о вступлении в войну Великобритании, по отношению к ней также выражались чувства благодарности. Дж. Бьюкенен вспоминает: «В посольстве меня дождалось много цветочных подношений, присланных русскими всех рангов и состояний, как дань благодарности своему новому союзнику» (13). Овации сопровождали

английского и французского послов во время их посещения в августе 1914 г. Москвы (14). Громом аплодисментов было встречено заявление министра иностранных дел России С.Д. Сазонова на заседании Думы 26 июля (8 августа) 1914 г. о том, что державы Союзасия «не хотят установления ига Германии и ее союзницы в Европе» (15).

Проявления чувств солидарности и благодарности к союзникам были составляющими патриотических и религиозных настроений массовых манифестаций и молебнов о даровании победы, проходивших в начале августа 1914 г. в городах, рабочих поселках, селах России (16). Образ союзника обретал символические репрезентации в театре, кинематографе, где в 1914 – начале 1915 гг. большую долю составлял военно-патриотический репертуар (17). Перед спектаклями иногда показывали патриотические инсценировки на тему войны, в которых наглядно изображались союзники. Так, в театре Ф.А. Корша 15 августа 1914 г. сезон открылся «Генеральшей Матреной». Спектакль предваряло особое представление: на сцене по очереди проходили русский, французский, английский, сербский и черногорский солдаты с национальными флагами в руках. Появление каждого из них возвещалось фанфарами и сопровождалось соответствующим национальным гимном. Публика встретила знаменосцев бурными аплодисментами, хотя сам спектакль посчитала неудачным (18).

Большое распространение в начале войны получил «сатирический» жанр печатной, устной, изобразительной, кино- и театральной пропаганды. Особенно он был действенным в формировании образов противников России в войне, в гораздо меньшей степени, косвенно работал и на формирование позитивного образа союзников (19). В юмористическом альманахе наряду с русскими победами над карикатурно изображаемыми противниками нашли отражение успехи союзников-англичан в Каире:

Чтобы больше турки
Не играли в жмурки
Англичане ловко ноги и головки
Мигом отмахнули
Те и ... позаснули (20).

Популяризации отношений с союзниками способствовали Дни союзных флагов, которые проводились в рамках кампаний пожертвований на войну различных общественных организаций и частных лиц: Обществ Красного креста, Ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны, великой княгини Татьяны Николаевны и др.

Ход войны, в том числе роль в ней союзников, отражался в массовом сознании и помимо пропаганды. Так, стабилизация Восточного

фронта после русских неудач в Восточной Пруссии и предотвращение взятия немцами Парижа нашли отклик в частушке, записанной в 1914 г.:

Немец битву начинал
И в Варшаве быть желал,
Шел обедать он в Париж –
Преподнес французик шиш (21).

Как замечает А.В. Голубев, в этой частушке обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, равнозначность событий на Западном и Восточном фронте для автора частушки и, во-вторых, то, что уменьшительное «французик» носит явно доброжелательный, даже ласковый характер (22).

В то же время народное сознание фиксировало и отличия между русскими и их союзниками. Русские в сравнении с союзниками несомненно обладали духовными преимуществами – такое представление предполагало оценивание с позиции традиционных этностерестипов. В сборнике солдатских военных песен, изданных в 1915 г., в одной из них говорилось:

Что за песни, что за песни
Распевают наша Русь!
Уж как хочешь, брат, хоть тресни
Так не спеть тебе, француз! (23)

Образ союзника, как и образ врага, визуализировался, изображался достаточно наглядно. В частности, в России были изданы открытки с изображением симпатичных солдат в форме стран Антанты с текстами государственных гимнов, причем русский солдат ничем не выделялся в этой серии (24).

Начавшаяся война пробудила русское национальное самосознание, обусловила его подъем, развитие национальной идеологии. Наибольшую активность в этом проявили представители неославянофильства, деятели московского Религиозно-философского общества Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн и др., активно пропагандировавшие свои взгляды. Разработка неославянофилами национальной идеологии включала, в частности, и самоопределение России по отношению к западным союзникам с учетом перспектив реализации ее национальной миссии. Оно разрабатывалось с учетом двойственной природы Запада и единства России с «истинною», христианской Европой, которую, в их концепции, представляли союзники. Вместе с Россией они боролись с германской агрессией, порожденной антихристианскими тенденциями Запада (25). С.Н. Булгаков писал о борьбе России и ее союзников с «германизмом» как концентрированным выражением духа новоевропейства, духовных основ мещанства, узкорациональных начал (26).

В распространении символической категории борьбы за «правду» «Святой Руси» находило воплощение переживание сакрального смысла войны, его православное понимание. Оно было одним из проявлений «русской идеи» как квинтэссенции национального самосознания, имело отчетливый морально-религиозный смысл. Было связано с представлениями об особой миссии России в определении судеб славянства. В патриотических брошюрах, православных изданиях, клише публикаций, писем, устной коммуникации этот символизм находил ясное воплощение. «Россия борется за Богом благословенную правду» (27), «Русь всегда боролась на правое дело, за справедливость» (28), «Миропобивая, Святая Русь встала на защиту славянства против посягательства германцев» (29) – эти символы-мифы исторического сознания и в целом национального самосознания имели глубокую культурную укорененность, оказывая значительное влияние в начале войны на восприятие событий.

Культурно укорененная и проявлявшаяся в психологическом восприятии событий идея «Святой Руси» учитывалась П.Б. Струве в его попытках разработать национальную идеологию. В статье «Великая Россия и Святая Русь» он попытался обосновать идею неразрывности борьбы за эти два идеала в условиях войны. П.Б. Струве определял и место союзников России в этой борьбе. Он предложил толкование, в соответствии с которым борьба за великую Россию в союзе с западными державами будет направлена на реализацию имперских задач на новой основе представительного строя и правового порядка, по образцу передовых империй того времени. В то же время духовной почвой российского государственного и имперского идеала, по П.Б. Струве, является идея Святой Руси, которая не противоречит целям, провозглашенным державами Согласия, и позволит поэтому народу бороться за их осуществление, неразрывно связанное с реализацией Россией ее собственного славянского предназначения (30).

Союзники должны были помочь в реализации задачи борьбы с «немецким засильем». В Воззвании «Общества 1914 года», поставившего борьбу с немецким засильем внутри страны в качестве своей главной задачи. 28 августа 1914 г. говорилось: «Только в союзе с Англией и Францией борьба внутри России против немецкого засилья может быть доведена до полного освобождения нашей Родины от безответственных германских влияний» (31). Фоном борьбы с «немецким засильем» было укрепление с началом войны экономического влияния союзников и, прежде всего, Великобритании, на экономическую, политическую и культурную жизнь России. Экономическое сотрудничество России и Великобритании намного опережало формирование союза правительств

двух стран и являлось социальной основой союзнических отношений между двумя странами (32).

Несмотря на усилия официальной пропаганды, даже в условиях «духовной эйфории» начала войны, переживания историчности и сакрального значения событий, единства в оценках целей войны, роли России в Антанте, отношений с союзниками не было ни в среде интеллигенции, ни в политической и военной элите (33). В сознании российского общества с самого начала войны присутствовал и такой мотив: союзники не понимают и не хотят понять Россию. Уже в сентябре 1914 г. З. Гиппиус записала в своем дневнике: «Наши счастливые союзники не знают боли раздирающей, в эти всем тяжкие дни, самую душу России. Не знают, и, беспечные, узнать не хотят, понять не хотят. Не могут». И позднее, в апреле 1915 г.: «Я люблю англичан, но я так ярко понимаю, что они нас не понимают (и не очень хотят)» (34).

По мере развития военных действий уже в 1914 г. стали выявляться противоречия между союзниками. Несмотря на общность целей, согласованность коалиционной стратегии Антанты существовали расхождения в вопросах военного планирования, отражавшие противоречивые интересы отдельных стран Согласия. В русском общественном мнении после катастрофы в Восточной Пруссии возникло представление о жертве, принесенной Россией для спасения Франции. Антисоюзнические настроения на фронте и в тылу стали появляться в конце 1914 г. не только в связи с катастрофой в Восточной Пруссии, но и общим затягиванием войны и началом проявления кризиса военно-технического снабжения. Данную ситуацию использовала Германия, которая начала планомерную работу по разложению русских войск и антисоюзнической пропаганде. Жертвы и потери русской армии вызвали активизацию правых сил и всех противников проанглийской ориентации. В то же время, несмотря на данные явления, в первый год войны чувство «общего дела» и представление о справедливой борьбе стран Согласия с германской агрессией являлись определяющими мотивами военного дискурса, находившими отражение в массовом сознании.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Jelavich P. German culture in the Great War // European culture in the Great War. Cambridge, 1999. P.32-34; Eksteins M. Rites of Spring. The Great War and the Birth of the Modern Age. London; New-York. 1989. P. 92; Marquis A.G. Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany During the First World War // Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 13. №3. P. 488-490; Царские слова к русскому народу. Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией. Пг., 1914. С. 1.

2. См.: Ferguson N. The Pity of War. London; 1998. P. 207-209.

3. Россия борется за правду. М., 1914. С. 4.

4. Великая война России за свободу и объединение славян. Сб. ст. для школьных и народных библиотек / Под ред. Д.И. Тихомирова. М., 1914. С. 133.
5. Чуковский К.И. Дневник (1901-1929). М., 1997. С.242.
6. Паустовский К. Повесть о жизни // Собр. соч. в 8-ми тт. М., 1968. Т. 4. С. 281.
7. Вестник Европы. 1914. № 8. С. 423, 427; Петроградские ведомости. 1914. 24 августа (6 сентября); Московские ведомости. 1914. 23, 25 июля; Биржевые ведомости. 1915. 19 июля (1 августа), вечерний выпуск; Альбом героев войны, 1914. № 1. С. 5.
8. Андреев Л.П. В сей грозный час. Статьи. Пг., 1914. С. 66.
9. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. 2-е изд., М., б.г. С. 134.
10. Палсолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 62.
11. Там же. С. 57.
12. Там же. С. 60.
13. Бьюкенен Дж. Указ. соч.
14. Палсолог М. Указ. соч. С. 85.
15. Там же. С. 69.
16. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 4 Л-во. Оп. 123. Д. 14 Ч. 7. Л. 17; Д. 73. Ч. 7. Л. 16; Д. 90. Ч. 7. Л. 16; Государственный архив Пермской области Ф. 65. Оп. 1. Д. 1416. Л. 1, 3-4, 25, 49, 64, 68, 221, 224; Палсолог М.С. Указ. соч. С. 73.
17. Гинзбург С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963. С. 191-192; Петровская И.Ф. Театр и зритель российских столиц. 1895 – 1917. Л., 1990. С. 58.
18. Дадамян Г.Г. Театр в культурной жизни России (1914 – 1917 гг.). М., 2000. С. 12.
19. См.: Смех и сатира. 1914. сентябрь-декабрь. № 39-50; Война и народ. Юмористический и сатирический альманах. М., 1915.
20. Война и народ. Юмористический и сатирический альманах. С. 2.
21. Симаков В.И. Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т.д. Пг., 1915. С. 9.
22. Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику...». Советское общество и внешняя угроза в 1920-1940-е гг. М., 2008. С. 166.
23. Солдатские песни. Сборник военных песен. Сост. В.И. Симаков. Ярославль, 1915. С. 16.
24. Голубев А.В. Указ. соч.
25. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия // Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 373, 376, 382, 397, 398.
26. Булгаков С. Война и русское самосознание. Публичная лекция. (серия «Война и культура»). М., 1915. С. 21-33, 44-49.
27. Россия борется за правду. М., 1914. С. 4.
28. Там же. С. 30.
29. Великая война 1914 года. Пг., 1914. С. 4.
30. Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 177-180.
31. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 181. Л. 43.
32. См.: Рудая Е.В. Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907-1917 гг. // Россия и Европа в XIX – XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 178.
33. Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № 12. С. 125-126; Суханов П.И. Паши, левые группы и война. Пг., 1915; Гиппиус З. Синяя книга // Петербургские дневники. 1914 – 1919. Нью-Йорк, Москва, 1990. С. 22-24; Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 386 – 389.
34. Гиппиус З.Н. Указ. соч. С.27, 33.

Olga S. Porshneva

Olga S. Porshneva, Professor of the Institute of the Fundamental education, Urals State University (Russia, 620083, Ekaterinburg, Lenin Avenue, 51), Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 375-46-17. Электронная почта/E-mail: porshneva@yandex.ru

Russia's allies in the First World War in the Russian society's perception, 1914

The article is devoted to the conditions which determined perception of the First World War by Russian society during the 1914. The author focuses her attention on the formation of the Allies' image in the conscience of different layers and groups of Russian society. The article shows representations of general mood, notions, ideas and feelings which determined the Allies' image in the conscience of educated classes and masses. The actualization and transformation of ethnic and foreign policy stereotypes are also discussed. The author evaluates an uprising of anti-allies perceptions by the end of 1914, its sources and manifestations.

Key words: First World War, Russian society, patriotic mood, official propaganda, allies, ally's image, 1914, ethnic stereotypes, foreign-policy stereotypes.

Э. А. Замов

Замов Эдуард Александрович, доцент кафедры Востоковедения Уральского государственного университета (Россия, 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51), кандидат исторических наук, доцент.

Телефон/Phone: +7(343) 350-75-43. Электронная почта/E-mail: ZamovEA@yandex.ru

ЛЕВЫЙ ФАШИЗМ И УГО СПИРИТО

Статья посвящена анализу феномена левого фашизма в Италии. Автор анализирует происхождение левого фашизма на примере воззрений Уго Спириито. Он определяет социальные силы, которые поддерживали идею корпоративизма.

Ключевые слова: корпоративизм, фашизм, Италия, политическая теория.